

6. Казак, О. Г. Римско-католическая церковь в Советской Беларуси в период перестройки / О. Г. Казак // Православный белорусско-балканский сборник : материалы Междунар. науч. конф. XVI Чтения памяти митрополита Литовского и Виленского Иосифа (Семашко), Жировичи, 10 декабря 2023 г. / ред. З. Милошевич. – Белград, 2024. – С. 149–162.
7. Курилик, В. Верейковский храм открыт / В. Курилик // Наш час. – 1995. – 20 июня. – С. 3.
8. Маевский, С. Возрожденный из пепла / В. Маевский // Сельская новь. – 1994. – 24 декабря. – С. 1.
9. Национальный архив Республики Беларусь (далее – НАРБ). – Ф. 136. Оп. 1. Д. 110.
10. НАРБ. – Ф. 136. Оп. 3. Д. 16.
11. НАРБ. – Ф. 136. Оп. 3. Д. 30.
12. Стенограмма встречи с представителями белорусских и зарубежных СМИ, 29 января 2015 г. // Президент Республики Беларусь. Официальный интернет-портал. – URL: <https://president.gov.by/ru/events/stenogramma-vstrechi-s-predstavitejami-belorusskix-i-zarubezhnyx-smi-10760> (дата обращения: 29.09.2025).
13. Центральный научный архив Национальной академии наук Беларуси. – Ф. 1. Оп. 1. Д. 3251.

*А.Д. Гронский, кандидат исторических наук, доцент
РАН (Москва)*

ЛИТВИНСКОЕ НЕОЯЗЫЧЕСТВО И ЕГО ПОПЫТКА ДЕФОРМИРОВАТЬ КУЛЬТУРНЫЕ ТРАДИЦИИ

Восточнославянское неоязычество как таковое начало зарождаться в 70-е гг. XX в. и было достаточно тесно связано с националистическими установками его носителей. В период гласности и перестройки неоязычество попыталось занять нишу традиционной религии, но потерпело неудачу. Оно смогло укорениться среди небольшого количества лиц, симпатизирующих древней духовности и не понимающих, что под видом древности им предлагается верить в недавно изобретенную конструкцию, лишь внешне напоминающую древность. По данным белорусского сектоведа В.А. Мартиновича, в совокупности неоязыческие организации составляют лишь 1,7 % от всех неокультов республики [4, с. 127], а сложность их изучения заключается в том, что неоязычники «часто действуют без регистрации либо регистрируются в качестве общественных объединений» [4, с. 104]. Так, в перечне религиозных организаций, действующих на территории Беларуси,

нет ни одной неоязыческой [2, с. 77]. Именно поэтому часть подобных групп выступает как светские организации, явно не связанные с определенными религиозными практиками, а основная их активность выливается в сугубо политические или общественные акции.

Сторонники альтернативных белорусских идентичностей пытаются сформировать представление об обособленности белорусов в первую очередь от русских, т.к. именно близость великорусов и белорусов массово воспринимается как наиболее естественная. Однако в начале XXI в. появилась группа лиц, которая начала продвигать новую белорусскую идентичность, названную литвинством и подразумевавшую, что белорусы, в отличие от русских, – это славянанизированные балты [3; 6]. Для формирования подобных взглядов в качестве условно духовной базы хорошо подходит неоязычество, что ярко проиллюстрировала прошедшая в 2012 г. в Минске конференция «Проблемы современной белорусской идеологии».

Для формирования убеждений в отличии белорусов от славянских соседей не только по крови, но и по духу, оппозиционный белорусский политолог А. Поротников настаивал, что «значительное духовное влияние на наших предков оказывал фактор общебалтского культурного и религиозного пространства с центром в прусской Ромуве (ныне Черняховский район Калининградской области России)». А. Поротников уверен, что современная Беларусь и старая Пруссия соединены не только схожим культурным и этническим происхождением, «но и через общую языческую религию, во главе которой стоял первосвященник Криве-Кривайтис» [6].

Для того, чтобы утверждение о неславянском происхождении белорусов выглядело правдоподобно, нужно сочинить определенную концепцию, объявив это сочинительство поиском традиций. Как заявляет А. Поротников, «речь идет о глубоком, можно сказать мистическом культурном пласте», который нужно придумать, чтобы обосновать современный историко-политический миф. Для этого, пишет А. Поротников, «необходимо глубокое изучение, систематизация и пропаганда традиционных представлений о мире, если хотите, о национальном космосе» [6]. Поскольку «традиционные представления» – это всего лишь националистические фальсификации прошлого, то их «глубокое изучение, систематизация и пропаганда» является попыткой сконструировать такое прошлое, которое освящало бы интеллектуальные игры современных националистов. Так в начале XXI в. искусственно создается версия мировоззрения, которая якобы была характерна для далеких предков белорусов.

Восприятие неоязычества как национальной белорусской религии оправдывается тем, что якобы «ментальность белорусов сложилась в дохристианский период истории» [3]. По мнению белорусского политолога О. Кравцова, национальной религией Беларуси должна стать «традиционная

дохристианская (“Друва”). Ее дополняют греко-католическое христианство (униатство), автокефальное православие, католичество и протестантизм» [3]. Таким образом, искусственно придуманная в постсоветский период, да еще и никому не известная, кроме узкого круга националистов и исследователей националистического белорусского дискурса, «Друва» претендует на роль национальной религии. Греко-католики (униаты) в постсоветской Беларуси занимают маргинальное положение, они невлиятельны и немногочисленны, хотя активная реклама греко-католицизма как еще одной национальной белорусской религии навязывает именно это мнение. Автокефальное православие существует в качестве нескольких незарегистрированных общин, поэтому его влияние и возможности в разы меньше, чем у тех же греко-католиков. Большинство протестантов представлено так называемыми неокультами, которые в простонародье называются сектами, поэтому они не укоренены в обществе, к ним отрицательно относится большинство населения. И лишь римо-католицизм из этого списка имеет укорененность в белорусских землях начиная с XIV в. Но римо-католиков в Беларуси всего около 10 % от всех формально искренне верующих.

О. Кравцов предлагает попросту «запустить новый национальный проект», который называется «Друва». Политолог трактует это как «воссоздание дохристианской культурно-религиозной традиции» [3], абсолютно не отдавая себе отчета в том, что дохристианская традиция прервалась достаточно давно и до наших дней от нее дошли лишь отголоски, которые тесно переплелись с народным христианством, да еще настолько, что в некоторых случаях практически невозможно реконструировать базовые языческие представления. Именно поэтому «воссоздание дохристианской культурно-религиозной традиции» в реальности будет представлять собой современный духовно-идеологический конструкт, основанный на националистическом белорусском дискурсе. То есть для белорусов, которые объявляются неславянами, искусственно формируется некий неязыческий духовный протез, который рекламируется как древнее мировоззрение.

Для обеспечения влияния новой, основанной на неязычестве идентичности, должны появиться новые идеологические работники. Ими, по задумке О. Кравцова, должны стать неязыческие жрецы «крывайты», которые «толкуют и организуют проведение национальных и государственных праздников, производят оценку различных событий общественной жизни, формируют систему общественных ценностей на основе традиционных представлений и современных национальных интересов» [3]. Из остальных религий национальными объявляются Автокефальная белорусская православная и Греко-католическая церкви. Они должны получить права, равные с Русской православной и Римско-католической церквями [3]. Таким образом, конфессии, которые сформировали идентичность на этой части

Евразии и в массе формируют современную идентичность, являясь носителями непрерывной духовной традиции (русское православие с IX в., а римо-католицизм с XIV в.), отходят на второй план. А наиболее широко распространенное и наиболее древнее русское православие в перспективе должно исчезнуть, ведь в перечне «национальных религий» присутствует лишь автокефальное православие. Почему же римо-католикам все же удалось занять место одной из дополнительных национальных церквей в рассуждениях О. Кравцова? Дело в том, что белорусские националисты рубежа XX–XXI вв. воспринимали католиков как «лучших белорусов» [1], в отличие от «русифицированных» православных. Интересно также отношение к традициям – культовые сооружения должны не только строиться, но и перестраиваться в «аутентичном белорусском стиле» [3], которого в реальности не существует. Получается, что культурное наследие не будет сохраняться лишь потому, что оно внешне не соответствует некоему «аутентичному белорусскому стилю».

Обязательным приложением к конструированию неоязыческой религиозной ситуации под видом «возрождения традиций» является отношение к языку. Так, единственным государственным языком предлагается сделать белорусский, а языками межнационального общения – русский, но в белорусской фонетической версии, и английский [3]. Это все при том, что на референдуме 1995 г. подавляющее большинство белорусов поддержало введение русского языка как второго государственного. Кстати, «белорусская фонетическая версия» русского языка, упоминаемая белорусским политологом, – это всего лишь неграмотное написание слов русского языка, например, «беларус» вместо «белорус» или «беларуский» вместо «белорусский».

И еще один крайне показательный момент при формировании идентичности через неоязыческие стереотипы представлен в радикальном национализме и даже шовинизме по отношению к собственным гражданам «неправильного» происхождения. В частности, «ключевые церковные должности занимают только лица белорусского происхождения», «ключевые государственные должности занимают только люди белорусского происхождения», «получение белорусского гражданства лицами небелорусского происхождения становится невозможным», «одновременно вводится система лишения белорусского гражданства в отношении лиц небелорусского происхождения», «демографическая политика основывается на принципе научно обоснованного оптимума количества населения исходя из биосферной и ресурсной емкости региона. Акцент делается на повышении качественных показателей нации – здоровье, интеллект, культурный уровень, моральные качества». Кроме того, помимо претензий на «белорусскость» всех пограничных территорий, исторически белорусской землей объявляется Пруссия – «коренная балтская (прусско-ягвийская) земля», т.е. нынешняя

Калининградская область Российской Федерации. Также уже сформировано представление об исторической миссии неоязыческой Беларуси: «Белорусы призваны дать миру новую модель устройства общества. Часть этой миссии беларусов – сохранить и вернуть европейцам все лучшее и здоровое, что у них есть» [3]. Помимо всего прочего начинают внедряться альтернативные названия Беларуси – «Крыўя», «Яцьвязь», «Литва» [3]. Таким образом, неоязыческие основания формирования новой альтернативной белорусской идентичности как не славянской, а балтской влекут за собой не только изменение самоидентификации, но и усиление ксенофобии и расизма.

Создание альтернативных национальных идентичностей на белорусском материале связано с использованием в качестве субстрата некоторых религиозных верований, которые нельзя признать традиционными по причине того, что они либо прерывали свою традицию бытования в регионе, а потом были восстановлены не по духовным, а по политическим мотивам (как, например, греко-католицизм), либо вообще являются изобретением современности, использующим лишь древний антураж для придания представлений о своей продолжающейся традиции (как любые неоязыческие практики).

Большинство белорусов разделяет традиционные представления о «своих» религиях или конфессиях. Так, в 2009 г. при проведении опроса о доверии государственным и общественным институтам православная церковь намного обошла соперников. Ей доверяли 63% опрошенных, римско-католической – 38 % [5]. В 2019 г. Институт социологии белорусской Национальной академии наук Беларуси провел соцопрос, в котором спрашивал не о доверии к религиозным институтам, а об положительном или отрицательном отношении к ним. В итоге к православным положительно и скорее положительно относятся 90,6 % опрошенных, к римо-католикам – 71,6 %, к греко-католикам – 34,8 %. При этом мало знают или вообще не знают о православных 6,9 %, о римо-католиках – 21,7 %, а о греко-католиках – 57,3 % [7, с. 302]. По мнению социолога С. Николюка любая церковь олицетворяет собой коллективное «Мы» [5]. Поэтому люди, даже смутно представляя себе церковную обрядность, доктрину и прочее, определяют себя как приверженцев определенной веры, подчеркивая тем самым свою включенность в соответствующую систему представлений о себе, соседях, событиях и т.д. Ни неокульты, ни греко-католицизм, ни тем более неоязычество не представляют собой религию, способную быть принятой большинством в качестве национальной. Белорусские неоязыческие организации, как пишет В.А. Мартинович, «заявляют, что пытаются вернуться к истокам древнего белорусского язычества. Однако это их стремление обусловлено не дошедшими до нашего времени языческими традициями и не их влиянием на белорусскую культуру, а романтизацией глубокого прошлого, которая проистекает в данном

случае из патологического неприятия настоящего и всего того, чем может гордиться белорусский народ: достижениями религии, культуры, социально-философской и правовой мысли Беларуси последнего тысячелетия. То есть современное белорусское язычество можно рассматривать как своего рода интеллектуальное веяние, развивающееся не благодаря, но вопреки традициям белорусской культуры и воспринимающее себя при этом в качестве единственного исконного белорусского движения» [4, с. 439]. Формирование же альтернативных идентичностей основывается именно на религиях-аутсайдерах, не укорененных в обществе, но имеющих большие амбиции. Число сторонников альтернативных идентичностей мизерно, но они имеют доступ к информационным ресурсам, что позволяет им потенциально расширять ряды своих сторонников.

Источники

1. Астапенка, А. Да пытання аб ідэалогіі беларускай дзяржавы / А. Астапенка // – Інстытут беларускай гісторыі і культуры. – URL: <http://inbelhist.org/?p=2540> (дата обращения: 14.05.2022).
2. Карасева, С. Е. Динамика численности религиозных организаций Беларуси: политico-правовое поле, практика учета и обнародования данных (2000–2009 гг.) / С. Е. Карасева // Евразия. – 2012. – № 4. – С. 65–82.
3. Кравцов, О. Беларусь должна быть и должна быть всегда! / О. Кравцов // Інстытут беларускай гісторыі і культуры. – URL: <http://inbelhist.org/?p=2453> (дата обращения: 14.05.2022).
4. Мартинович, В. А. Нетрадиционная религиозность: возникновение и миграция. Материалы к изучению нетрадиционной религиозности / В. А. Мартинович. – Мн. : Минская духовная академия, 2015. – 559 с.
5. Николюк, С. В поисках идеологии, способной сплотить расколотое общество / С. Николюк // Інстытут беларускай гісторыі і культуры. – URL: <http://inbelhist.org/?p=2427> (дата обращения: 14.05.2022).
6. Поротников, А. Беларуское «большое пространство» как лекарство от комплекса жертвы / А. Поротников // Інстытут беларускай гісторыі і культуры. – URL: <http://inbelhist.org/?p=2438> (дата обращения: 14.05.2022).
7. Шкурова, Е. В. Конфессиональное пространство Беларуси: характеристики о особенности взаимодействия / Е. В. Шкурова // Социологический альманах. – 2021. – Вып. 12. – С. 292–304.